

Светлана МУДРОВА
Арман ТОГАНЯН

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Дата поступления в редакцию: 17.02.2026.

Для цитирования: *Мудрова С. В., Тоганян А. С., 2026. Теоретические основы международных миграционных процессов. – Геоэкономика энергетики. № 1 (33). С. 130–140. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_130*

Международные миграционные процессы в условиях глобализации мировой экономики и углубления неопределенности приобретают все более сложный и многогранный характер, который оказывает существенное влияние как на социально-экономические, политические, так и на демографические аспекты всех участников мировой экономики. За последнее десятилетие наблюдается существенный рост международных мигрантов в мире, что обусловлено рядом экономических (социально-экономическое неравенство, разрыв доходов, безработица, бедность и т. д.) и неэкономических факторов (военные конфликты, изменения климата и т. д.), которые влияют на направления потоков, характер и динамику международной миграции. Увеличение количества мигрантов, а также современные тенденции миграционных процессов (глобализация и регионализация, дифференциация и сегментация, феминизация, результативность и цифровизация) диктуют необходимость осмысления теоретических аспектов изучения данного феномена и регулирования миграционных процессов. В связи с этим особую значимость приобретают систематизация, комплексность и критический анализ существующих теоретических подходов к изучению международной миграции, начиная с классических моделей (Э. Ли, А. Льюис,

МУДРОВА Светлана Владимировна, доктор экономических наук, заведующая кафедрой политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. **E-mail:** mudrova.sv@rea.ru. **SPIN-код:** 7714-3400. **ORCID:** 0000-0002-3907-5371

ТОГАНЯН Арман Самвелович, ассистент кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. **E-mail:** toganyan.as@rea.ru. **SPIN-код:** 8532-5344

Ключевые слова: международная миграция, миграционные потоки, миграционные процессы, факторы миграции, регулирование международной миграции, денежные переводы, глобализация, регионализация.

М. Пиоре, И. Валлерстайн, Д. Массей) и заканчивая современными институциональными и сетевыми концепциями (Г. Шиллер, Х. де Хаас, Ж. Аттали, С. Морикони, Р. аль-Хашми). Выявленные в ходе анализа актуальные тренды миграционных процессов и комплексный характер происходящих в их рамках изменений способствуют полноформатному оформлению международной миграции и ее теории, ранее рассматривавшихся в рамках демографического процесса, в качестве обособленного и важного элемента переустройства глобальной социальной реальности.

Существующие теоретические основы изучения международных миграционных процессов формировались в рамках различных геоэкономических и геополитических условий, а также в рамках различных научных парадигм, отражающих эволюцию экономической мысли и расширение междисциплинарных подходов. Традиционные экономические модели рассматривали миграцию преимущественно как рациональный выбор мигранта, который базируется на различиях экономического развития, занятости и рынка труда. В дальнейшем были разработаны концепции, которые учитывали различные аспекты миграционных процессов, в частности роль домохозяйств, влияние глобальных тенденций, значение социальных сетей, роль институциональной среды, влияние денежных переводов и т. д. Разработка новых концепций, теорий, моделей была связана с появлением новых факторов, которые стали определять тенденции развития миграционных процессов в условиях их многогранности и зависимости от новых геополитических и геоэкономических реалий. Важными направлениями в миграционных исследованиях стали следующие направления:

- изучение интеграции и адаптации мигрантов в стране пребывания;
- влияние миграции на отношения между странами и региональными интеграционными объединениями;
- влияние миграции на развитие стран – доноров и реципиентов миграции;
- минимизация рисков в сфере миграции и т. д.

Основной фундамент для дальнейших исследований заложили миграционные теории XX в., среди которых можно выделить модель выталкивающих/притягивающих факторов Э. Ли, двухсекторную модель экономики и миграции А. Льюиса, теорию двойного рынка М. Пиоре, теорию мировых сетей И. Валлерстайна, теорию сетей Д. Массея и т. д.

Долгое время дальнейшие исследования в сфере миграции фокусировались на исследованиях факторов, влияющих на экономическую эмиграцию и на последствия иммиграции для обществ Глобального Севера. Согласно Х. де Хаасу, подобный односторонний подход препятствовал пониманию миграции как всеобъемлющего элемента глобальных трансформаций [*de Haas, 2025*]. Однако современная научная повестка исследования международной миграции диктует решительный переход к системному подходу,

который способствует систематизации разрозненных эмпирических данных и исследованию в единой логической структуре [Money, 2025]. Данный переход связан с увеличением количества мигрантов в мире с 154 млн чел. (1990 г.) до 304 млн чел. (2024 г.), с современными тенденциями в сфере миграции в мире, а также с усилением неэкономических факторов, влияющих на миграционные процессы¹.

На текущем этапе развития мировой экономики наблюдаются следующие тенденции в миграционных процессах, которые имели значительное влияние на увеличение количества мигрантов, на переосмысление концепций регулирования миграции и на переосмысление/дополнение фундаментальных миграционных теорий:

- глобализация и регионализация миграции;
- дифференциация и сегментация миграционных потоков;
- феминизация миграционных потоков;
- результативность миграции;
- цифровизация.

Глобализация и регионализация миграции имели существенное влияние на увеличение количества мигрантов с помощью создания возможностей и основ для усиления сотрудничества в сфере миграции между странами и объединениями, а также для совершенствования экономико-правовой базы в сфере миграции. Тем самым все больше стран стали активными участниками международных миграционных процессов. Х. де Хаас в своем исследовании «Теория миграции: соотношение стремлений и возможностей» отмечает, что увеличение миграции связано с расширением свободы и возможностей человека; тем самым миграцию следует трактовать как естественную часть процесса социального преобразования и расширения прав человека [de Haas, 2025]. Это требует от мирового научного сообщества перехода к изучению миграции как фундаментальной способности человека выбирать место своего проживания в глобальном пространстве, при этом ассоциируя миграцию не с нищетой, а со следствием развития человеческих возможностей. Аналогичного мнения придерживается также Ж. Аттали, который и вовсе внедрил в практику термин «номад» (кочевник), под которым понимается человек, который ведет кочевой образ жизни и не имеет привязанности к территории [Attali, 2009]. По сути, речь идет о концепции транснационального общества, которая получила активное развитие в исследовательских кругах в эпоху глобализации. Среди наиболее популярных теорий исследований в рамках концепции транснационального общества можно выделить синтетическую теорию Д. Массея, теорию транснациональной миграции Г. Шиллера, теорию миграционных сетей Тейлора и др.

¹ International Migration Flows. United Nations // <https://www.un.org/development/desa/pd/data/international-migration-flows>, дата обращения 17.01.2026.

Подход Д. Массея к миграционным процессам формируется в контексте его реляционной и синтетической теории пространства, в которой пространство понимается как продукт социальных отношений, миграционных процессов, исторических аспектов, а не как нейтральная физическая сцена действий. В этой связи миграционные процессы рассматриваются не просто как перемещение людей между странами и регионами, а как один из ключевых инструментов трансформации пространства [Massey, 2013]. В своей работе Д. Массей подчеркивает, что миграционные потоки глубоко встроены в геоэкономические и геополитические сети, которые были сформированы колониальной историей и из-за неравномерного развития мировой экономики. Кроме того, Массей ввел концепт «геометрия власти», который определяет, что разные социальные группы имеют разные возможности мобильности и по-разному включены в пространственно-временные потоки [Massey, 2018].

Г. Шиллер, Л. Баш и др. в своей теории транснациональной миграции рассматривают миграционные процессы как устойчивый социальный процесс, в рамках которого мигранты формируют и поддерживают множественные связи как в стране пребывания, так и в стране исхода. В отличие от классических теорий ассимиляции и интеграционных моделей, которые предполагают постепенное включение мигрантов в общество принимающей страны и ослабление связей со страной исхода, теория транснациональной миграции подчеркивает одновременную включенность мигрантов в несколько социоэкономических, политических и культурных пространств [Schiller, Basch, Blanc-Szanton, 1992]. В рамках теории транснациональной миграции вводится понятие «транснациональные социальные поля», в которых мигранты действуют как агенты/брокеры, которые связывают разные уровни отношений, от локальных до глобальных, и участвуют в различных процессах, в т. ч. экономических, политических и т. д. По сравнению с различными неоклассическими теориями миграции транснациональная теория миграции фокусируется не на индивидуальном решении мигрантов, связанном с выгодами и издержками, а на институциональных, сетевых и культурных возможностях миграции. Транснациональная теория миграции также подчеркивает роль трансграничных социальных пространств, смещая фокус миграционных исследований с национально-территориальной модели общества к многоуровневым социальным полям, в которых государственные границы и государственные институты перестают быть единственным определяющим принципом социальной организации.

Однако параллельно с глобализацией и регионализацией в современных миграционных процессах присутствует тенденция по дифференциации и сегментации, что часто определяет направления миграционных политик разных государств — реципиентов миграции. Сегментация может проявляться по критериям квалификации мигранта, страны происхожде-

ния, пола и т. д. в соответствии с целями государственной миграционной политики. Однако частым проявлением сегментации является критерий квалификации для трудовых миграционных потоков, поскольку страны – реципиенты миграции пытаются ограничивать низкоквалифицированные трудовые миграционные потоки, давая преимущество высококвалифицированным трудовым мигрантам, несмотря на то что в стране может присутствовать дефицит низкооплачиваемой рабочей силы. Это часто связывается с социальными и политическими аспектами общества, в котором низкоквалифицированные мигранты представляются в негативном ключе в смысле создания условий для демпинга заработной платы, безопасности и т. д. Тем самым ограничение потоков низкоквалифицированной миграции часто связано с политическими решениями на основе популярных решений в ущерб экономическим соображениям. Это подтверждается в исследовании С. Морикони, Г. Пери и др., в котором рассматриваются социально-экономические и политические последствия притоков мигрантов в зависимости от их квалификации [Moriconi, Peri, Turati, 2022]. Согласно исследованию, приток высококвалифицированных мигрантов часто имеет социальное одобрение общества, в то время как приток низкоквалифицированных мигрантов часто ведет к снижению солидарности граждан с государством.

Одним из ключевых исследований в вопросе селективной миграционной политики является исследование Р. аль-Хашми, в котором тенденция дифференциации и селективности рассматривается с точки зрения углубления глобального неравенства и устойчивого развития мировой экономики [al Hashmi, 2025]. Согласно Р. аль-Хашми, селективная миграционная политика фактически трансформирует социально-экономическое и географическое неравенство в легитимный критерий «допуска», замещая прямую дискриминацию на более технический и институциональный фильтр. В этой связи высококвалифицированные мигранты часто получают расширенный доступ к привилегиям, стабильному правовому статусу и долгосрочной интеграции, в то время как низкоквалифицированные мигранты исключаются из легальных каналов миграции или включаются в них на существенно уязвимых условиях. Таким образом, миграционная политика становится механизмом дифференцированного распределения возможностей на миграцию и на социальную мобильность в глобальном масштабе, что в результате закрепляет асимметричное распределение ресурсов между Глобальным Севером и Глобальным Югом.

Углубление социально-экономического неравенства между государствами привело к формированию тенденций феминизации миграционных потоков. Тенденция феминизации миграционных потоков определяется долгосрочным структурным изменением доли женщин и характером миграции в миграционных процессах. Следует отметить, что с конца XX в.

женщины стали выступать в качестве мигрантов (часто в качестве трудовых мигрантов), которые самостоятельно принимают решения о переезде. Ранее женщины часто выступали в качестве сопровождающего члена семьи мигранта. Доля женщин-мигрантов в миграционных процессах достигла 49 %, что говорит не только о качественном, но и о количественном изменении². Следует отметить, что женщины — трудовые мигранты эмигрируют из стран с низким уровнем дохода и часто концентрируются в низкооплачиваемых, нестабильных и слаборегулируемых секторах экономики, где трудовые и миграционные права ограничены. Часто они осуществляют трудовую деятельность по домохозяйству, уходу за детьми, пожилыми, т. е. становятся активными участниками так называемых глобальных цепочек заботы (англ. *Global care chains*). Однако, несмотря на социальную и экономическую значимость такой работы, во многих странах подобный вид трудовой деятельности не мониторится и остается вне стандартных трудовых режимов, что увеличивает уязвимость к эксплуатации, насилию и правовой неопределенности. Ситуация усугубляется еще и тем, что женщины-мигранты осуществляют незаконную трудовую деятельность в стране пребывания, что делает их еще более уязвимыми со стороны закона и не предоставляет никаких социальных и правовых гарантий и прав. Несмотря на недостатки женской трудовой миграции, следует отметить, что женщины стали важными отправителями денежных переводов, что подчеркивает их важность в поддержании семьи и экономики стран-доноров. Для стран — доноров эмиграции подобный «положительный» эффект приводит к социальным и индивидуальным издержкам в виде развития транснациональных семей. В целом феминизация миграционных потоков четко подчеркивает не только факт демографической и миграционной трансформации, но и факт глубокой трансформации мировой экономики, социальных отношений и т. д. Данные тезисы также находят свое отражение в работе Д. Аккоюн и З. Даламана, в которой подчеркивается, что труд женщин-мигрантов является экономически востребованным, однако правовая система не признает его в полной мере. Это приводит к разрыву между фактической интеграцией женщин в повседневную экономику и их исключением из формальных механизмов защиты [*Akkoyun, Dalaman, 2024*]. В своей статье авторы уделяют особое внимание также миграционному статусу женщин, работающих в домашнем секторе (на примере Турции). Авторы отмечают, что правовые режимы не являются гендерно нейтральными. Хотя миграционное законодательство формально не различает мигрантов по полу, на практике именно женщины концентрируются в тех секторах, где контроль слабее, а риски эксплуатации выше. В этом смысле феминизация миграции сопро-

² International Migration Flows. United Nations // <https://www.un.org/development/desa/pd/data/international-migration-flows>, дата обращения 17.01.2026.

вождается не расширением прав, а институционализацией нестабильности и зависимости. Феминизация миграции и другие тенденции взаимосвязаны также с тенденцией результативности, которая находит свое отражение как в странах – реципиентах миграции в качестве результата труда, так и в странах – донорах миграции в виде денежных переводов мигрантов. Денежные переводы мигрантов по сути являются для многих стран-доноров стабильным источником краткосрочного финансирования экономики. Инструментом повышения результативности является миграционная политика, которая формируется на базе целей в сфере миграции, будь то иммиграционные цели для стран-реципиентов или эмиграционные для стран – доноров миграции. В последние годы миграционные исследования в сфере результативности миграции нацелены на изучение миграционной политики национального уровня в целях оценки эффективности миграционной политики по достижению экономических, социальных целей политики государства. Основными причинами исследования результативности миграционных политик являются:

- рост количества мигрантов и усложнение миграционных процессов: современные миграционные процессы имеют более сложный и неоднородный характер (многоуровневые коридоры и т. д.), что требует оценки конкретных достигнутых результатов;
- общественное давление и политическая ответственность: эффективность миграционной политики стала предметом общественных дебатов, политической отчетности и т. д.

По сути, в последние годы миграционная политика многих стран-реципиентов в своей основе ставит общественное настроение общества, тем самым устанавливая краткосрочные ориентиры в вопросе регулирования миграции. Краткосрочность определяется тем, что общественные настроения зависят от изменений социально-экономических условий. М. Караммиа, С. Иакус в своем исследовании проанализировали миграционную политику через призму ее чувствительности и реакции на изменения общественных настроений и миграционной реальности [*Carammia, Iacus, 2025*]. В данном исследовании отмечается, что миграционная политика не может оцениваться исключительно по формальным целям или правовым установкам, поскольку она функционирует в условиях постоянного взаимодействия между фактическими миграционными потоками, восприятием общества и политическими решениями. В данном контексте результативность миграционной политики понимается не как разовое достижение цели, а как динамическая способность политики адаптироваться к изменяющемуся социальному контексту. Кроме того, результативность миграционной политики рассматривают в качестве инструмента влияния на общественные настроения. Политика идет в сторону ужесточения, если общество недовольно количеством мигрантов в

экономике. Это часто происходит без учета экономических последствий или спроса на иностранную рабочую силу. Тем самым даже в случаях, когда политика не приводит к существенному снижению миграционных потоков или к ожидаемым социально-экономическим эффектам, она может считаться результативной с точки зрения политической системы, если позволяет стабилизировать общественные настроения или снизить уровень политической поляризации. Таким образом, возникает разрыв между социальными, демографическими и политическими измерениями результативности, который часто остается вне поля зрения традиционных оценок эффективности. В итоге смысл результативности политики часто заключается не столько в полном контроле над миграцией, сколько в способности управлять ее последствиями и общественным восприятием. Это, в свою очередь, ставит перед миграционной политикой краткосрочные цели. Следует отметить, что часто ужесточение миграционной политики касается низкоквалифицированных трудовых мигрантов и не относится к высококвалифицированным трудовым мигрантам. Поскольку страны стремятся конкурировать в глобальной борьбе за таланты, в частности, из ИТ и высокотехнологичных отраслей, они тем самым создают разные упрощенные процедуры и селективные механизмы по контролю миграции. Многие страны для высококвалифицированных мигрантов из сферы ИТ создают статус цифровых кочевников (англ. *Digital nomad*), что позволяет данной категории мигрантов свободно и в упрощенном порядке жить и пребывать в стране, даже работая для иностранных компаний. Это, в свою очередь, в дальнейшем позволит приманить цифровых кочевников в целях долгосрочного пребывания и осуществления трудовой деятельности в компаниях страны пребывания.

Заключение

Подводя итог, отметим, что представленные выше тенденции и миграционные теории характеризуют реальную ситуацию в сфере миграции и миграционных процессах, которые активно изменяются, трансформируются ввиду различных экономических и неэкономических факторов. Тем самым создаются новые условия для развития международных миграционных процессов. Комплексный характер выявленных трансформаций и современных тенденций позволяет заключить, что международная миграция и ее теория окончательно переступили за рамки простого демографического процесса, превратившись в ключевой инструмент переустройства глобальной социальной реальности.

Список литературы

Akkoyun D. B., Dalaman Z. B., 2024. Exploring the intersection of legal regulations and feminization of migration: A focus on migrant women working in domestic services in Türkiye // *Migration and Diversity*. Vol. 3. No. 1. Pp. 11–27; <https://doi.org/10.33182/md.v3i1.3175>.

Al Hashmi R., 2025. Selecting immigrants by skill and global inequality // *Journal of Social Philosophy*. Vol. 0: 1–10; <https://doi.org/10.1111/josp.12605>.

Attali J., 2009. *A brief history of the future: a brave and controversial look at the twenty-first century*. New York: Arcade Pub.: Distributed by Hachette Book Group USA. 320 p.

Carammia M., Iacus S. M., 2025. Migration mood and policy responsiveness: a structural analysis of public opinion, policy, and migration flows in Italy (1990–2020) // *Journal of European Public Policy*. Vol. 33. No. 1. Pp. 74–104; <https://doi.org/10.1080/13501763.2025.2584564>.

De Haas H., 2025. Towards a global migration paradigm: And the imperative of ridding ourselves of the «push-pull» model // *Comparative Migration Studies*. Vol. 13. No. 1. P. 76. DOI:10.1186/s40878-025-00481-9.

International Migration Flows. United Nations // <https://www.un.org/development/desa/pd/data/international-migration-flows>, дата обращения 17.01.2026.

Massey D., 2013. *Space, place and gender*. John Wiley & Sons. 288 p.

Massey D., 2018. Power-geometry and a progressive sense of place // *The Doreen Massey Reader*. Agenda Publishing. Pp. 149–158. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781911116844.011>.

Money J., 2025. The Politics of Migration in the 21st Century: Employing Systemism to Advance Research Strategies // *Social Sciences*. Vol. 14. No. 2. P. 98; <https://doi.org/10.3390/socsci14020098>.

Moriconi S., Peri G., Turati R., 2022. Skill of the immigrants and vote of the natives: Immigration and nationalism in European elections 2007–2016 // *European Economic Review*. Vol. 141. P. 103986; <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2021.103986>.

Schiller N. G., Basch L., Blanc-Szanton C., 1992. Transnationalism: A new analytic framework for understanding migration // *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 645. No. 1. Pp. 1–24.

Svetlana V. MUDROVA, Doctor of Economics, Head of the Department of Political Economy and History of Economics, Plekhanov Russian University of Economics

Address: 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation

E-mail: mudrova.sv@rea.ru

SPIN-code: 7714-3400

ORCID: 0000-0002-3907-5371

Arman S. TOGHANYAN, Assistant of the Department of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics

Address: 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation

E-mail: toghanyan.as@rea.ru

SPIN-code: 8532-5344

THEORETICAL FOUNDATIONS OF INTERNATIONAL MIGRATION PROCESSES

DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_130

Received: 17.02.2026

For citation: *Mudrova S. V., Toghanyan A. S., 2026. Theoretical Foundations of International Migration Processes. – Geoeconomics of Energetics. № 1 (33). P. 130–140. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_130*

Keywords: international migration, migration flows, migration processes, migration factors, regulation of international migration, remittances, globalization, regionalization.

Abstract

In the context of globalization of the world economy and deepening uncertainty, international migration processes are acquiring an increasingly complex and multi-faceted nature, exerting a significant impact on the socio-economic, political, and demographic dimensions of all participants in the global economy. Over the past decade, the world has witnessed a substantial increase in the number of international migrants, driven by a range of economic factors (socio-economic inequality, income disparities, unemployment, poverty, etc.) and non-economic factors (armed conflicts, climate change, and others) that shape the direction, character, and dynamics of international migration flows. The growing scale of migration and contemporary trends in migratory movements (globalization and regionalization, differentiation and segmentation, feminization, efficiency and digitalization) necessitate a thorough reconsideration of the theoretical foundations for studying and regulating this phenomenon. In this regard, the systematization, comprehensiveness, and critical analysis of existing theoretical approaches – from classical models (E. Lee, A. Lewis, M. Piore, I. Wallerstein, D. Massey) to modern institutional and network concepts

(G. Schiller, H. de Haas, J. Attali, S. Moriconi, R. al-Hashmi) – are acquiring particular relevance. The analysis identifies current trends in migration processes and the multidimensional nature of the changes unfolding within them as contributing to the full-fledged conceptualization of international migration and its theory – previously treated as part of demographic processes – as a distinct and significant element in the restructuring of global social reality.